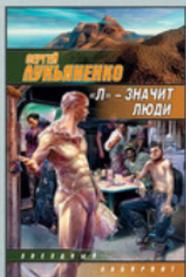

Сергей Лукьяненко

Временная суэта

Часть сборника
«Л» – значит люди (сборник)

Сергей Васильевич Лукьяненко

Временная суэта

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125119
Проводник отсюда: АСТ, Хранитель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-031165-1, 978-5-9762-4721-5*

Аннотация

«Было раннее утро конца ноября. Телефон зазвонил в тот самый момент, когда «Алдан» в очередной раз завис. В последнее время, после одушевления, работать с машиной стало совсем трудно. Я со вздохом щелкнул «волшебным рубильником» – выключателем питания – и подошел к телефону...»

Содержание

История первая	4
Глава 1	4
Глава 2	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Лукьяненко

Временная суета

*И долго еще определено мне чудной властью
идти об руку с моими странными героями...*
Н.В. Гоголь

История первая «Колесо Фортуны»

Глава 1

*...судя по всему, мое житье-бытье час от часа
становилось все нестерпимее...*
Г.Я.К. Гриммельсгаузен, «Симплициссимус»

Было раннее утро конца ноября. Телефон зазвонил в тот самый момент, когда «Алдан» в очередной раз завис. В последнее время, после одушевления, работать с машиной стало совсем трудно. Я со вздохом щелкнул «волшебным рубильником» – выключателем питания – и подошел к телефону.

«Алдан» за моей спиной недовольно загудел и выплюнул из считывающего устройства стопку перфокарт.

– Не хулигань, на всю ночь обесточу, – пригрозил я. И, прежде чем взять трубку, опасно покосился на эбонитовую трубку телефона, где тянулся длинный ряд белых пластиковых кнопок. Слава Богу, вторая справа была нажата, и это означало, что мой новенький телефон принимает звонки только от начальства – от А-Януса и У-Януса до Саваофа Бааловича.

Впрочем, зачем гадать?

– Привалов слушает, – поднимая трубку, сказал я. Очень хорошим голосом, серьезным, уверенным и в то же время усталым. Сотрудника, отвечающего таким голосом, никак нельзя послать на подшефную овощную базу или потребовать сдачи квартального отчета об экономии электроэнергии, перфокарт и писчей бумаги...

– Что ты бормочешь, Сашка! – заорали мне в ухо так сильно, что на мгновение я оглох. – ...рнеев говорит. Слышишь?

– А... ага... – выдавил я, отставляя трубку на расстояние вытянутой руки. – Ты где? У Ж-жиана?

– В машинном зале! – еще сильнее гаркнул из трубки грубиян Корнеев. – Уши мой!

На мгновение мне показалось, что из трубки показались Витькины губы.

– Дуй ко мне! – продолжил разговор Корнеев.

В трубке часто забикало. Я с грустью посмотрел на «Алдан» – машина перезагрузилась и сейчас тестировала системы. Работать хотелось неимоверно. Что это Корнеев делает

в машинном? И как сумел дозвониться? Я скосил глаза на телефон, потом, по наитию, на провод.

Телефон был выключен из розетки. Сам ведь его выключил утром, чтобы не мешали писать программу.

– Ну Корнеев, ну зараза... – с возмущением сказал я. – Дуй в машинный...

Я с мстительным удовольствием подул в микрофон.

– Привалов! Как человека прошу! – ответила мне трубка.

– Иду-иду, – печально сказал я и отошел к «Алдану».

К Витькиным выходкам я привык давно, но почему он так упрямо считает свою работу важной, а мою – ерундой?

На мониторе «Алдана» тем временем мелькали зеленые строчки:

«Триггеры... норма.

Реле... норма.

Лампы электронные... норма.

Микросхема... норма.

Бессмертная душа... порядок!

Проверка печатающего устройства...»

Печатающим устройством «Алдану» служила электрическая пишущая машинка, с виду обычная, но снабженная виртуальным набором литер. Благодаря этой маленькой модернизации она могла печатать на семидесяти девяти языках шестнадцатью цветами, а также рисовать графики и бланки требований на красящую ленту.

Сейчас машинка тархтела, отбивая на бумаге буквы – от

«А» до неприносимых согласных языка мыонг. В конце она выдала «Сашка, будь челове...», после чего замерла с приподнятой литерой «К».

«Алдан» снова завис.

Обесточив машину, я вышел из лаборатории. Ну Корнеев! Даже в «Алдан» залез! «Будь чело...» Я остановился как громом пораженный. Если уж грубиян Корнеев *просит* помочь – значит дело серьезное! Мысленно приказав кнопке вызова лифта нажать, я бросился по коридору...

Молоденького домового, уныло оттирающего паркет зубной щеткой, я не заметил до самого момента спотыкания. Отдраенный паркет метнулся мне навстречу, я отчаянно попытался левитировать, но в спешке перепутал направление полета. Когда я наконец-то пришел в себя, на лбу имелся прообраз будущей шишки, а заклинание левитации упрямо прижимало меня к полу, пытаясь доставить к центру Земли. Ошибись я с заклинанием на улице, так бы скорее всего и получилось. Но в институте, на мое счастье, и полы, и стены, и потолки были заговорены опытными магами и моим дилетантским попыткам не поддавались. Я перекрестился, что отменяло действие заклинания, сел на корточки и потер лоб.

Домовой, забившийся поначалу в угол, осмелел и подошел поближе. Длинные, не по росту, хлопчатобумажные штаны унылого буро-зеленого цвета волочились за ним по полу. Широкий ремень из кожзаменителя съехал вниз. Латунные пуговицы были нечищены, одна болталась на ниточ-

ке.

– Жив? – шмыгая носом и утираясь рукавом, спросил домовый.

– Жив, – машинально ответил я, не обращая внимания на панибратский тон домового. А тот добродушно улыбнулся и добавил:

– Дубль...

– Какой дубль? – уже опомнившись, спросил я. Происходящее становилось интересным. Домовые слыли существами робкими, забитыми, в разговоры вступали неохотно. Только самые старые и смелые из них, вроде тех, что прислуживали Кристобалью Хозевичу, были способны иногда на осмысленную, но крайне уклончивую беседу.

Домовой внимательно осмотрел меня и сказал:

– Удачный. Очень удачный дубль. Привалов-то наш научился все-таки...

Я ошалел. Домовой принял меня за моего собственного дубля! Позор! Неужели я становлюсь похожим на дублеподобных сотрудников?

– Ты так по коридорам не носись, – поучал меня тем временем домовый. – Привалов... он того, неопытный. Сквозь стены видит плохо, можно при нем побежать, чтобы он убедился – стараешься, и обратно когда идешь – ходу ускорить... Тихо!

Мимо нас прошел бакалавр черной магии Магнус Федорович Редькин. Был он в потертых на коленках джин-

сах-невидимках, в настоящий момент включенных на половинную мощность. Магнус Федорович от этого выглядел туманным и полупрозрачным, как человек-невидимка, попавший под дождь. На нас с домовым он даже не посмотрел. То же принял меня за дубля? Почему? И лишь когда Редькин скрылся в дверях лифта – мной, между прочим, вызванного, я понял. Ни один сотрудник института не споткнется о зазевавшегося домового. На это способен лишь дубль... В душе у меня слегка просветлело. Для полной гарантии я поковырял пальцем в ухе, но следов шерсти не обнаружил. Надо было встать и бежать к Корнееву.

– Все путем, – неожиданно сказал домовый. – Он не заметил, что мы разговаривали. Ладно, ты беги, а то и Привалов забеспокоится. Если что, заходи в пятую казарму, спроси Кешу. Знаешь, где казармы? За кабинетом Камноедова. Бывай...

Домовой сунул мне теплую волосатую ладонь и исчез в щели между паркетинами. А я, глядя под ноги, побрел к лифту.

На этот раз на кнопку пришлось давить минут пять, прежде чем лифт соизволил остановиться. Я юркнул в двери и с облегчением отправил лифт вниз.

Третий этаж лифт проскочил без заминки. А между вторым и первым застрял. И зачем я поехал на нем, есть же нормальная черная лестница... Со вздохом оглядевшись – если кто-то рядом и был, то очень хорошо замаскированный, я на-

рушил второе правило пользования лифтом и вышел сквозь стену.

На первом этаже было хорошо. Пронзительно пахло зелеными яблоками и хвойными лесами, что почему-то вызывало в памяти популярные болгарские шампуни. Мимо пробежала хорошенькая девушка, мимоходом улыбнувшаяся мне. Она улыбалась всем, даже кадаврам. Это было ее специальностью – она, как и все хорошенькие девушки института, работала в отделе Линейного Счастья.

Здороваясь по пути со славными ребятами из подотдела конденсации веселого беззлобного смеха, я пробирался к машинному залу. Путь был нелегким. Начать с того, что отдел Линейного Счастья занимал абсолютно весь первый этаж. Места для машинного зала на нем попросту не оставалось. Но если вначале спуститься в подвал, а потом уже подняться на первый этаж, то можно было попасть в машинный зал, обеспечивающий весь институт энергией. Как это получалось – было тайной, такой же непостижимой для меня, как огромные размеры НИИЧАВО, маленького и неприметного снаружи.

Сегодня мне почему-то не везло. Я трижды споткнулся, но, наученный горьким опытом, не упал. Выдержал долгую беседу с Эдиком Амперяном, которому позарез хотелось поделиться с кем-нибудь своей удачей – он добился, с помощью Говоруна, потрясающих результатов в деле сублимации универсального гореутолителя. Какую роль сыграл Клоп Го-

ворун в этом процессе, я так и не понял – уж очень специфические термины использовал Эдик. Но от его удачи мне стало полегче, словно я и сам надышался парами гореутоителя. Пообещав Амперяну провести для него расчет эффективности вне очереди, я сбросил его на проходящего мимо дубля Ойры-Ойры со строгим приказом: отвести Эдика домой и уложить в постель, после чего, уже без приключений, добрался до машинного зала.

У дверей стоял Корнеев. Вид у него был невозмутимый.

– Витька, что случилось? – с облегчением поинтересовался я. – Зачем такая спешка?

– Привалов, пройди, пожалуйста, внутрь, – бесцветно сказал Витька. И я понял, что никакой это не Корнеев, это его дубль, запрограммированный лишь на одно – пропустить внутрь меня и преграждать дорогу всем остальным. Мне стало страшно. Я отпихнул дубля, неуклюже взмахнувшего руками, распахнул тяжелую дверь и влетел в машинный зал.

Витька сидел на Колесе Фортуны, том самом, чье вращение давало институту электроэнергию. При моем появлении он взглянул на часы и сообщил:

– Когда решу помирать, тебя за смертью пошлю. Девять минут шел, м-магистр.

К Витькиным издевательствам я привык. Проигнорировав «м-магистра» – Корнеев прекрасно знал, что я до сих пор хожу в «учениках чародея», я осмотрелся.

Машинный зал производил странное впечатление. Внача-

ле, из-за темноты, я заметил лишь Витьку, который светился бледным зеленым светом – с опытными чародеями такое случалось при сильном магическом переутомлении, теперь же передо мной открылась вся картина.

Между огромными трансформаторами застыли странные темно-серые статуи, изображающие бесов. Через мгновение я сообразил, что это и есть бесы – из обслуживающего персонала. Кто-то, и я был на сто один процент уверен, что это Витька, наложил на них заклятие окаменелости. А вдоль Колеса Фортуны, походившего на блестящую ленту, выходящую из одной стены и входящую в другую, застыли Витькины дубли – неподвижные и почти неразличимые. Была в дублях одна странность – каждый последующий был немного ниже предыдущего. Те, которых я еще мог разглядеть, выглядели просто пятнышками на цементном полу, но у меня появилось страшное подозрение, что они вовсе не являются крайними в этой дикой последовательности.

– Когда я позвонил, тебе везло? – внезапно поинтересовался Корнеев.

– Что? Ну... У меня «Алдан» завис.

– А после?

– Что после?

– После звонка тебе везло или нет, дубина? – печально и тихо спросил Корнеев.

– Нет. Я упал, потом лифт...

Я замолчал. Я все понял. Лишь теперь, наблюдая за Вить-

кой, я осознал, что он сидит на Колесе, но остается неподвижным.

Колесо Фортуны остановилось!

– Это я, – с напускной гордостью сказал Витька.

– Да? – с внезапной дрожью в голосе поинтересовался я.

– Я его остановил, – зачем-то уточнил Корнеев.

– Как?

– Дублей видишь? Я сделал дубля и дал ему приказ – крепко держать Колесо Фортуны и производить следующего дубля, уменьшенного в размерах и с той же базовой функцией.

Схватившись за голову, я простонал:

– Научил я тебя, Корнеев. Базовая функция... Ты, может, еще на бумаге эту программу составил?

– Ага, – подтвердил Витька. И с людоедской радостью добавил: – А вчера у тебя на «Алдане» проверял. Могучая машина.

– И что вышло?

– Что число дублей будет бесконечным, а сила торможения ими Колеса – бесконечно большой. Вот... Так и вышло. Остановили они Колесо Фортуны.

...Вскоре мне стала ясна вся картина происходящего. Витьке, для его грандиозной идеи превращения всей воды на Земле в живую, не хватало самой малости – устойчивости процесса. Придуманная им цепная реакция перехода обычной воды в живую останавливалась от шума проезжающей машины, чиха Кашея или выпадания града в соседней обла-

сти. И тут-то Витьку осенило. Если остановить Колесо Фортуны в тот момент, когда процесс перехода воды идет хорошо, то удача останется на его стороне! Вся вода в мире станет живой, для исцеления ран надо будет лишь облить-ся из ведра или залезть под душ, чтобы вылечить ангину – прополоскать рот. Врачи станут ненужными, войны потеряют смысл... И Витька придумал гениальную идею с бесконечным количеством дублей, что будут с бесконечной силой тормозить Колесо.

План его удался лишь частично. За те секунды, пока Колесо Фортуны останавливалось, лаборантка в отделе Универсальных Превращений уронила умклайдет на диван, инвентарный номер 1123. Результаты были катастрофические. Вода стала превращаться не в живую и даже не в мертвую, а в дистиллированную. Ничего страшного в этом не было, во всяком случае, пока процесс не дошел до морей и океанов. Но шел он теперь безостановочно, ибо Колесо Фортуны стояло.

В этот самый миг жизнь людей радикально изменилась. У меня, так же как у Корнеева и еще примерно половины человечества, началась нескончаемая полоса невезения. У Эдика Амперяна и прочих счастливицков началась бесконечная полоса удач.

Бесконечная!

Я даже зажмурился от осознания этого факта. Я представил, как Амперян поит меня своим гореутолителем... и он

действует, я становлюсь счастливым, хоть мне и не везет. У меня ломается «Алдан» – а я доволен. У Витьки не получается простейшее превращение – он тоже счастлив. Потому что Эдик изобрел... Да что я привязался к Эдику! Человечество отныне разделилось на две категории – везунчиков и неудачников.

Представив, как меня сочувственно хлопают по плечу «везунчики», я не выдержал и заорал:

– Корнеев, запускай Колесо обратно! Немедленно!

– Не могу, – хмуро сказал Корнеев. – Что я, дурак, что ли? Сам знаю, надо запускать, пока магистры не узнали. Позора не оберешься...

Последнюю фразу он произнес с мечтательным выражением, словно смакуя предстоящий позор.

– Почему не можешь? – Я поправил очки и растерянно оглядел бесконечный ряд дублей. – Прикажи им, пусть толкают Колесо, со своей бесконечной силой... черт бы ее побрал!

Одно из стоящих вблизи изваяний слегка шевельнулось. Витька вперил в него грозный взгляд, и черт окаменел вторично.

– Глаз нет, да? Совсем слепой? – с акцентом Амперяна, но с собственной грубостью поинтересовался Корнеев. – Лопнул обод у Колеса, видишь?

Я подошел к Колесу и убедился, что двухметровой ширины лента действительно разделена тонкой щелью. Концы

разрыва подрагивали, словно кончики стальной пружины.

– А зарастить нельзя? – шепотом поинтересовался я. – Ты же... это... умеешь. Помнишь, червонец мне склеил?

Витька грустно кивнул. И закончил свой печальный рассказ.

Оказывается, когда Колесо Фортуны остановилось, оно тут же лопнуло. Концы обода стали дергаться, носиться по залу, разбрасывая дублей и перекручиваясь во все стороны. Когда наконец ошалевшие от неожиданности дубли и перепуганный, а от этого грубый более, чем обычно, Корнеев поймали их, установить, где левая, а где правая сторона, где верх, а где низ ленты уже не представлялось возможным. Корнеев кое-как совместил концы порванного обода, но уверенности в своей правоте не имел.

– Что, если я его лентой Мебиуса соединил? – хмуро сказал он. – Что будет?

Я пожал плечами. Корнеев, слегка подпрыгивая на ободке и светясь все более энергично, стал рассуждать:

– Может так получиться, что любая наша удача превратится в неудачу. И наоборот. Или же удачи и неудач сольются воедино...

Увлечшись, он перегнулся назад и, кувыркнувшись через обод Колеса, полетел вниз.

– Знаешь, Витька, – садясь для безопасности на пол, сказал я, – лучше уж соединение удачи и неудач, чем сплошная невезуха.

– Невезуха, – потирая затылок, горько сказал Корнеев. – Надо это прекращать...

– Я-то зачем тебе понадобился? Рассчитать, правильно ли соединен обод? Это я и без «Алдана» скажу. Пятьдесят на пятьдесят.

– Понимаю, – неожиданно мягко признался Корнеев. – Но не могу же я сейчас сам решать, правильно ли Колесо соединено! Я же теперь невезучий, обязательно ошибусь!

– А я везучий? Мой совет тебе не поможет!

– Понял уже...

Мы немного помолчали, разглядывая неподвижное Колесо Фортуны. Господи, ну и дела! Что сейчас с людьми происходит! Есть, конечно, и счастливики...

– Витька! – прозревая, завопил я. – Нужно спросить у человека, которому везет! Он не ошибется!

– А кому везет? – тупо спросил Корнеев. Временами он был самым собой.

– Амперяну. Точно знаю, он универсальный гореутоли-тель сублимировал.

– Сейчас спросим, – оживившись, сказал Корнеев, доставая из воздуха телефонную трубку. Послышались долгие гудки.

– Амперян сейчас дома, я его спать отправил, – торопливо подсказал я. Витька отмахнулся – не важно.

Трубку наконец-то взяли.

– Эдик! – громовым голосом заорал Корнеев. – Извини,

что разбудил, это Сашка, дубина, настоял. Скажи только одно – и можешь вешать трубку: правильно соединили?

– Нет, – буркнул Амперян чужим со сна голосом и повесил трубку.

Витька небрежным жестом растворил в воздухе свою и радостно улыбнулся:

– Видишь, Привалов, получилось! Бывают и у тебя озарения!

Он небрежно схватился за один край порванного обода и без всяких видимых усилий перевернул его на сто восемьдесят градусов. Интересно, а в ту ли сторону повернул?

– Корнеев... – неуверенно начал я. Но Витька не реагировал. Он был сторонником разделения умственного и физического труда, так что в процессе работы думал мало, а на внешние раздражители не реагировал.

Двумя уверенными пассажами, без всяких дилетантских заклиний, даже не заглядывая в «Карманный астрологический ежегодник АН», Корнеев восстановил целостность Колеса Фортуны. Потом окинул взглядом бесконечную, а точнее – двусторонне бесконечную череду дублей и громко командовал:

– Нава-лись!

Как ни странно, дубли такую странную команду поняли. И даже толкнули в одну и ту же сторону. Колесо заскрипело и начало вращаться. Правда, пожалуй, быстрее, чем раньше. Я достал из кармана сигареты, закурил... Выронил сигарету,

но возле самого пола поймал ее. Снова сунул в рот, но горящим концом. Вовремя это понял и перевернул фильтром к губам. Сигарета уже успела потухнуть.

– Корнеев, – умоляюще прошептал я, – притормози его! Слишком быстро вращается, удача за неудачей...

Сигарета зажглась сама по себе. Я бросил ее на пол и затоптал – а то еще взорвется...

Витька с дублями навалились на Колесо, и то начало притормаживать.

– Глянь по пульту, Привалов! – велел Корнеев. – Там есть тахометр, стрелка должна быть на зеленом секторе.

Я подошел к пульту. С некоторым трудом нашел тахометр, явно переделанный из зиловского спидометра. Поглядел на стрелку, подползающую к зеленой черте, и скомандовал Корнееву остановку.

Колесо вращалось, тихо гудя. Корнеев утер со лба пот, потом кивнул дублям, и те дематериализовались.

– Нормально, Сашка? – поинтересовался Корнеев.

Я подозрительно огляделся. Закрыв глаза и подпрыгнул на одной ножке. Не упал.

– Нормально, – с облегчением сказал я. – Что, пойду я работать?

– Валяй-валяй! – жизнерадостно заорал Витька. – Мне еще чертей расколдовывать да память им заговаривать, меньше будешь под ногами мешаться...

Вздохнув, я вышел из машинного, на прощание мститель-

но бросив Корнееву:

– Вот будет удивительно, если никто из магистров не узнает о твоих художествах...

Оставив Витьку размышлять над этим оптимистическим заявлением, я пошел к себе, в электронный зал. Фортуна явно повернулась ко мне, я не спотыкался, не налетал на встречных, вежливо поздоровался с Кивриным, одолжил считавшему посреди коридора Амперяну свою логарифмическую линейку, вызвал лифт...

И побежал обратно. Амперян, виртуозно пользуясь линейкой, что-то подсчитывал, записывая в блокнот.

– Давно из дому, Эдик? – вкрадчиво поинтересовался я.

– С утра, – не поднимая глаз от формул, в которых я опознал уравнение Сташефа-Кампа, ответил Эдик.

– Ты же с Ойра-Ойрой... тьфу, с дублем его, домой пошел!

– Ну... – Эдик поднял на меня задумчивый взгляд и объяснил: – Пошел. А потом думаю: чего я на кровати буду валяться, радостный и довольный, когда тут самая работа начинается? Выпил антигореутолитель и стал экономическую целесообразность процесса подсчитывать.

– Целесообразно? – не зная, как подступиться к главному, спросил я.

– Не знаю, – хмуро признался Эдик. Удача, похоже, его покинула.

– Корнеев тебе звонил? – напрямик спросил я.

Эдик обвел взглядом выкрашенный зеленой масляной краской коридор, мутные плафоны на потолке и резонно спросил:

– Куда звонил?

– Десять минут назад! Сам слышал! – отчаянно сообщил я. – Он спросил, правильно ли соединили, а ты сказал, что нет.

– Как он спросил?

Я напряг память.

– Ну... Примерно так: «Эдик, скажи, правильно соединили?»

– И тот, кто взял трубку, ответил, что «нет», – закончил Эдик. – Что соединились вы неправильно...

Он снова нырнул в свои вычисления, а я, совершенно запутавшись, пошел дальше.

Итак, отвечал не Амперян.

Но совет оказался правильным, значит, отвечавший тоже был «удачливым»? Или же неправильным, просто мы еще не заметили последствий своей ошибки? А как заметишь, неизвестно, какими они могут быть!

У дверей электронного зала смирно сидел дубль Володи Почкина. Больше пока никого не было.

– Скажешь Володе, пусть сам придет, – грубо сказал я дублю. Корнеев всегда на меня так влияет. – Он мне пятерку уже неделю должен.

Дубль поднял на меня потрясенный взгляд и прошептал:

– Я не дубль. Я Володя. Могу пропуск показать, с фотографией и печатью. А пятерку я после обеда занесу...

Было видно, что здоровяк Почкин пребывает в состоянии близком к шоковому. Я схватился за голову. Потом схватил Володю за плечи, затащил в зал и стал отпаивать чаем с бутербродами – настоящими, из буфета, а не сотворенными магическим образом. Попутно я пообещал ему рассчитать за сегодня все задачи, которые он принес еще неделю назад, а вечером взяться за написание программы для новых.

Володя медленно приходил в себя. Видимо, еще никто и никогда не принимал его за дубля, так что с непривычки он был расстроен.

– Заметку в стенгазету напишешь? – неожиданно спросил он. Видимо, отошел.

– Напишу-напишу! – радостно сказал я. – Про Брута?

– А что он натворил?

– Не знаю. Но как-то принято...

– Нет. Надо про новые плакаты в столовой.

– Какие плакаты?

Глаза у Почкина загорелись.

– Ты еще не видел? Посмотри, – вкрадчиво посоветовал он. – Пойдешь обедать – и посмотри.

Я пообещал сходить в столовую и посмотреть. Потом пожаловался Володе, какой был ужасный день: вначале меня приняли за дубля, потом я Витькиного дубля принял за Витьку, а под конец Володю за дубля... Язык чесался рас-

сказать про Корнеева и Колесо Фортуны, но я подавил искушение.

Почкин в ответ ободрил меня рассказом о том, как наши институтские ребята поодиночке сматывались с затеянного месткомом празднования трехсотлетия изобретения волшебной палочки, оставляя вместо себя дублей. Под конец в огромном зале, где проходило торжество, не осталось ни одного человека: только сотня небрежно запрограммированных дублей. Когда наконец ушедшие работать магистры и ученики сообразили, что произошло, то дубли оставались без присмотра уже больше трех часов. К ним отправился Федор Симеонович.

Вышел он через полчаса, предварительно дематериализовав всех дублей. На лице его блуждала странная улыбка, но о своих наблюдениях он никому никогда не рассказывал, а делу Линейного Счастья начал посвящать еще больше времени, чем раньше.

История мне правдивой не показалась: во-первых, что такого могли натворить дубли, даже плохо сделанные, а во-вторых, работать больше, чем обычно, Федор Симеонович уже никак не мог.

Выпроводив Почкина, я наконец-то вернулся к «Алдану». Опасливо включил питание и стал смотреть, как машина тестирует себя.

Бойко протараторила по бумаге виртуальными литерами пишущая машинка, и «Алдан» ласково заморгал зелеными

огоньками.

Усевшись перед перфоратором, я взял стопку чистых перфокарт, составленную девочками программу и облегченно вздохнул.

Кончились неприятности с Колесом Фортуны и дублями. Жизнь возвращалась в свою колею.

Ошибался я в этот момент здорово, как никогда. Но о том, что я ошибаюсь, не знал никто. Даже У-Янус.

Так уж получилось.

Глава 2

*Товарищ! Мы вместе решили с тобой,
Покушав, посуду убрать за собой.
Автор неизвестен*

Где-то около двух я с сожалением оторвался от присмиревшего «Алдана», встал, потянулся и направился в столовую. По пути заглянул к Витьке, потом к Роману, но ни того, ни другого не нашел. Взяв стакан кефира и тарелку жареной печени с вермишелью, я направился к своему любимому столику. Знаменит он был тем, что над ним висел огромный плакат с бодрой надписью: «Смелее, друзья! Громче щелкайте зубами! Г. Флобер». Время от времени плакат подновляли, и при этом текст чуть-чуть менялся – поклонник Флобера каждый раз пользовался новыми переводами.

Усевшись под словом «щелкайте», я, прежде чем воспользоваться советом и начать щелкать, глотнул кефира – тот оказался вчерашним, если не хуже. Потом, вспомнив слова Почкина, зашарил глазами по стенам.

Первый из плакатов я увидел на стене напротив. Он гласил:

Пальцем в солонку? Стой!
Что ты себе позволяешь?!
Мало ли где еще

Ты им ковыряешь!

Поперхнувшись кефиром, я протер очки. Плакат не изменился. Нормальный, аккуратно нарисованный плакат. Под ним сидели нормальные, аккуратные девочки из отдела Универсальных

Превращений. Девочки ели борщ, обильно посыпая его солью и ничуть не смущаясь необходимостью окунать пальцы в солонку.

Мною овладел исследовательский зуд. Низко пригнувшись над тарелкой, рассеянно нанизывая на алюминиевую вилку куски лука, печенки и вермишелины, я смотрел по сторонам.

Над кассовым аппаратом я обнаружил чудесный, прекрасно зарифмованный плакат на вечную тему: люди и хлеб.

Мой знакомый по имени Глеб
Повсюду разбрасывал хлеб.
Не знает, наверное, Глеб,
Как трудно дается хлеб.

Перебрав в памяти всех знакомых ребят, я успокоился. Похоже, имелся в виду не какой-нибудь там конкретный Глеб из НИИЧАВО, а обобщенный негодяй. Кончиком вилки я извлек из солонки сероватую соль, посыпал вермишель и быстренько доел. Закончил обед кефиром и пошел к выходу. На дверях меня ждал третий плакат:

Уходящий товарищ, ты сыт?
Зря спросил. Это видно на вид.

Администрация

Слово «администрация» меня добило. Я остановился, поджидая кого-нибудь знакомого. Эмоции требовали выхода. Теперь я понимал Володю, чей графоманский опыт исчерпывался знаменитым двустижием о едущем по дороге «ЗиМе». Разумеется, в нашей столовой работают не магистры и даже не бакалавры, а беззаветная любовь заведующего к Флоберу не панацея от отсутствия вкуса. Самым удивительным было то, что никто не возмущался этими жуткими виршами! Я вдруг перепугался, вспомнив утреннее приключение с Колесом Фортуны. Вдруг мы каким-то образом исказили человеческие вкусы и теперь ЭТО считается нормальным? И Кристоаль Хозевич одобрительно кивает, глядя на стихи о Глебе и хлебе...

В дверь проскользнул Юрик Булкин, наш новый сотрудник из отдела Универсальных Превращений. По профессии он был энтомолог, но ухитрился увлечься василисками – животными редкими и опасными. Теперь он вел тему «О свойстве василисков превращать живое в камень и о возможности превращения ими в камень воды». Как я слышал, теме придавалось большое значение, так как с помощью дрессированных василисков намного упростилось бы строительство плотин и был бы досрочно выполнен поворот сибирских

рек в Среднюю Азию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.